

Пашкова Т. И. ,
канд. ист. наук,
доцент кафедры русской истории
РГПУ им. А. И. Герцена

**Судебный поединок («поле») на страницах
законодательных памятников
средневековой Руси.**

Такое интересное явление средневекового судопроизводства как судебный поединок не раз привлекало к себе внимание исследователей XIX века¹. В первую очередь их интересовало время появления этой своеобразной процедуры, ее происхождение (исконно славянское или заимствованное у других народов), а также место в системе других судебных доказательств. В современных изданиях памятников средневекового права наблюдения о «поле» сводятся к комментариям историко-юридического характера². Некоторым исключением является, пожалуй, работа В.Б. Кобринина, в которой автор на нескольких конкретных примерах разобрал место судебного поединка в земельных спорах XV – XVI вв.³. Кроме того, совсем недавно вышла из печати монография Ю. Г. Алексеева о судебнике Ивана III. В ней несколько страниц посвящено анализу статей кодекса 1497 г., в которых идет речь о “поле”⁴. Однако в целом следует признать, что в исследовательской литературе последних десятилетий практически отсутствуют серьезные работы о российском средневековом судопроизводстве. Задача данной статьи заключается в том, чтобы проследить законодательную эволюцию поединка как одного из важнейших элементов состязательного судебного процесса, попытаться определить, когда и почему он был вытеснен другими способами установления истины.

Первыми юридическими документами, зафиксировавшими «поле» в качестве *судебного* поединка, являются договоры Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 и 1230 – 1270 гг.⁵. В. О. Ключевский видел намек на поединок в ст. 2 Краткой редакции Русской Правды, предусматривавшей возможность мести за нанесение телесных повреждений⁶. Более определенно связывал возникновение поединка с Русской Правдой К. Ф. Калайдович (ст. 1, 2, 19)⁷. Однако кровная месть и судебный поединок принципиально разные вещи. К тому же нашему

древнейшему законодательному кодексу еще не известна соответствующая терминология и, кроме того, в качестве доказательств активно применяются ордалии в виде испытаний железом и водой, а не поединок⁸. Договоры XIII в. отражают, по-видимому, уже следующий этап в эволюции «судов Божьих», когда наряду с упомянутыми испытаниями используется и «поле». Данные памятники запрещают проведение поединка между русскими и «немецкими гостями», однако провозглашают невмешательство сторон в случае, если конфликт происходит между своими («ать правятся сами по своему суду»). Таким образом, «поле» впервые квалифицируется как элемент судебной процедуры, причем процедуры вполне обычной, рутинной.

В документах конца XIV – XV вв. уже становится вполне очевидной прямая вовлеченность судебных органов в организацию поединков. На данном этапе большое внимание в законодательных памятниках уделяется «материальной» стороне дела, то есть установлению размеров пошлин за организацию и проведение поединков, также как и за любые другие действия центральной и местной судебной администрации. В Записи о душегубстве «у поля ... вяжщое» перечислено наряду с пошлинами наместнику за пересуд и штрафом за «поголовьщину»⁹; в Новгородской судной грамоте вводился общий принцип, согласно которому по различным делам, в том числе с применением поединка, от «судной» грамоты бралась пошлина в 4 гривны, а от «бессудной» – в два раза меньше¹⁰; в Псковской судной грамоте впервые был зафиксирован размер полевых пошлин, причем наряду с «княжей продажей» побежденный выплачивал также «приставное» двум приставам (по 6 денег каждому). Последний документ впервые стимулировал тяжущихся к решению спора без применения силы: в случае его мирного окончания пошлины выплачивались только приставам и в уменьшенном размере (по 3 деньги)¹¹. Аналогичный принцип был установлен в проекте договора Новгорода с королем Казимиром 1470 – 71 гг.¹².

Наиболее подробная информация о применении судебных поединков содержится в Псковской судной грамоте¹³. Из этого документа следует, что к «полю» прибегали в решении дел земельных (ст. 10, 13), по договорам хранения (ст. 17, 18), о бое и грабеже (ст. 20, 21, 27), о взыскании долга по доскам (ст. 36), о сребренном серебре (ст. 92), о торговых сделках (ст. 101), о возвращении залога (ст. 107), об оскорблении чести – вырывании бороды (ст. 117). Таким образом, очевидно, что судебный поединок в псковском законодательстве получил самое

широкое распространение – практически все дела гражданского и уголовного характера могли решаться с его помощью. Однако важно отметить, что в большинстве случаев «поле» выступало в качестве альтернативы присяге¹⁴, причем выбор способа доказательства своей правоты, как правило, предоставлялся ответчику, а не являлся судебным решением¹⁵. Псковская судная грамота предусматривала возможность поединков как между истцом и ответчиком (ст. 10, 13, 17, 18, 36, 92, 101, 107), так между ответчиком и послухом (ст. 20, 21, 27, 117). Кроме того, она впервые зафиксировала возникновение такого феномена как наймитство. Нанять вместо себя молодца для участия в поединке могли обе стороны (за исключением послухов), основанием являлись пол, возраст, физическое состояние или духовное звание («жонка, или детина... или чем безвечен, или чернец, или черница»)¹⁶. Однако если тяжущимися являлись две женщины, наймитов брать запрещалось¹⁷. Строго говоря, в псковском законодательстве наймитство упоминалось только в двух случаях – по делам о бое и грабеже (ст. 20 – 21) и о взыскании долга по доскам (ст. 36)¹⁸. Однако в дальнейшем эта практика получила весьма широкое распространение. Появление наймитов на судебном поединке означало также определенную трансформацию изначальных представлений о «суде Божьем». Хотя наниматели и приносили присягу за своих бойцов, это был уже не «чистый эксперимент» по выявлению истины¹⁹.

Итак, можно констатировать, что к XV столетию «поле» занимает вполне определенное, устоявшееся место в законодательстве наравне с другими судебными процедурами. Следы его существования фиксируются в Северо-Западном регионе (Новгородская и Псковская судные грамоты, проект договора Новгорода с королем Казимиром IV) Московском и Рязанском княжествах (Запись о душегубстве, договорные грамоты XV в.) но, скорее всего, судебный поединок имел повсеместное распространение, что и было в конечном счете отражено в великокняжеском Судебнике.

В Судебнике 1497 г. впервые подробно разрабатывался размер полевых пошлин для различных должностных лиц в зависимости от обстоятельств разрешения конфликта. Аналогичные нормы содержались и в царском Судебнике 1550 г.

Таблица 1

Должностные лица	«У поля не стояв, помирятся»		«У поля стояв, помирятся»		«Побьются в за-емном деле или в бою»		«Побьются в поджоге, душегубстве, разбое или татьбе»	
	Суд. 1497 г. Ст. 4	Суд. 1550 г. Ст. 9	Суд. 1497 г. Ст. 5	Суд. 1550 г. Ст. 10	Суд. 1497 г. Ст. 6	Суд. 1550 г. Ст. 11	Суд. 1497 г. Ст. 7	Суд. 1550 г. Ст. 12
Боярин	12 денег	11 денег	12 денег	11 денег	Стоимость иска	_____	Казнь и продажа	_____
Дьяк	8 денег	7 денег	8 денег	7 денег				
Окольничий	_____	_____	50 денег	50 денег	100 денег	700 (100 + 600 денег за доспех)	100 денег + доспех	700 (100 + 600 денег за доспех)
Дьяк	_____	_____	25 денег	24 день-ги	50 денег	50 денег	50 денег	50 денег
Подьячий	_____	_____	_____	1 деньга	_____	2 деньги	_____	2 деньги
Недельщик	_____	_____	62 (50 + 12 денег вязчего)	62 (50 + 12 денег вязчего)	124 (100 + 24 деньга вязчего)	122 (100 + 22 деньга вязчего)	124 (100 + 24 деньга вязчего)	122 (100 + 22 деньга вязчего)
Всего	20	18	157	155	274 деньга + стоимость иска	874 деньга	274 деньга + доспех + казнь и продажа	874 деньга

Приведенная таблица позволяет сделать некоторые важные наблюдения. Прежде всего, размер пошлин на протяжении полстолетия оставался практически без существенных изменений. Минимальную сумму выплачивали участники конфликта в случае его мирного исхода («а досудятся до поля, а у поля не стояв, помирятся»). При этом пошлины, естественно, получали только те должностные лица, которые непосредственно вели судопроизводство (боярин и дьяк). Размер этих поборов рассчитан так же, как с обычного судебного дела со стоимостью иска в 1 рубль²⁰. Вполне сопоставим он и с другими доходами: так, от печати на правой или отпускной грамоте боярин имел 9 денег с рубля, а дьяк от подписи 6 денег²¹.

В случае, если дело все-таки дошло до организации поединка, но он в результате примирения сторон не состоялся, судьи получали пошлины в том же размере, однако тяжущиеся должны были заплатить за труды еще и окольничему, дьяку, подьячему и недельщику, которые организовывали действо и следили за порядком²². При этом организаторы поля имели доходы в несколько раз большие, чем судьи (окольничий – в четыре раза, дьяк – в три). Что касается не-

дельщика, то его пошлина от «полевого» дела была примерно равна «езду» от Москвы до Хотуни или Дмитрова²³.

Если поединком решалось заемное дело или дело о нанесении побоев, то по законодательству конца XV в. судьи получали в качестве вознаграждения сумму, равную стоимости иска («противень противу исцева»), а по Судебнику 1550 г. не имели ничего. Оплата деятельности вспомогательного аппарата в обоих кодексах возрастала в два раза по сравнению с мирным исходом конфликта. Окольный, дьяк и недельщик не оставались в накладе и в ситуации, когда одна из сторон не являлась на поле или «збегала». По ст. 11 Суд. 1550 г. они получали пошлины «как и с мирового дела» (см. ст. 10), а также «избную» пошлину размером в 1 гривну (20 денег) с рубля.

Наконец, при решении поединком дел о наиболее тяжких уголовных преступлениях четко оговоренные законодательством доходы получали только организаторы поля. Что касается судей, то по Суд. 1497 г. проигравший выдавался им на «казнь и продажу», а по Суд. 1550 г. он при наличии поруки «ставился» перед государем, а при ее отсутствии отправлялся в тюрьму²⁴.

Итак, с точки зрения материальной подоплеку судебного поединка выявляются три стороны: организаторы, сами тяжущиеся и судьи. Из них только первые были кровно заинтересованы в том, чтобы поле состоялось. Что касается истца и ответчика, то законодательство явно стимулирует их не доводить дело до реального сражения. Выход на поле сопровождался большим риском для кошелька: в случае проигрыша все расходы приходилось нести «убитому», да еще при неблагоприятном стечении обстоятельств можно было угодить за решетку. В Суд. 1550 г. эта тенденция усиливается: с сугубо прагматической точки зрения выгоднее было не явиться на состязание или даже сбежать, чем решиться на поединок. Уже к концу XV в. разрешение судебного конфликта подобным способом становится весьма дорогим удовольствием. Наконец, серьезное изменение претерпел по Суд. 1550 г. порядок обеспечения пошлинами судей в случае состоявшегося сражения. Если раньше они могли рассчитывать на вознаграждение, равное стоимости иска, или проигравший выдавался им на казнь и продажу, то теперь кодекс «подталкивает» их к обычному порядку рассмотрения дела.

Несколько иначе ситуация выглядела в суде местной администрации. Сведения о полевых пошлинах наместников, волостелей и их тиунов содержатся не только в Судебниках, но и уставных грамотах к. XV – XVI вв.

Таблица 2

Уставные грамоты и Судебники	«Досудят до поля да помирятся»	«Побьются в заемном деле или в бою»	«Побьются в поджоге, душегубстве, разбое или татьбе»
БУГ 1488 г.	20 денег	200 денег	Казнь и продажа
Суд. 1497 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У. г. Переяславским рыболовам 1506 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У.г. старосте и кр-нам Марининской трети Артемовского ст. Переясл. у.1506 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У.г. бобровникам Каменского ст. Дмитров.у. 1509 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У. г. солеварам слободы Новой Соли Моревской вол. Новгород. у. 1530 г.	6 денег («став»)	_____	20 денег
Уст. Онежская гр-та 1536 г.	20 денег («не став») 50 денег («став»)	200 денег	Казнь и продажа
У. г. кр-нам с. Высоцкого 1536 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У. г. бобровникам Ильмехотского ст. Владимир. у. 1537 г.	100 денег	200 денег	Казнь и продажа
У.г. Устьянским волостям 1539 г.	100 денег («став»)	_____	Казнь и продажа
У.г. кр-нам дворцового Андреевского с. Звенигород. у. 1544 г.	26 денег	_____	_____
У.г. сев. половине Двинской земли 1549/50 г.	50 денег («не став») 50 денег (« став»)	100 денег	200 денег
Суд. 1550 г.	170 денег («стояв»)	300 денег	Казнь и продажа или 350 денег
Уст. Пермская гр-та 1553 г.	20 денег («не стояв») 70 денег («стояв»)	120 денег	Казнь или продажа
У.г. кр-нам дворц. сел Москов. у. 1554 г.	20 (6) денег	100 денег	О продаже доложить дворецкому
У.г. рыболовам и оброчникам Борисоглеб. Слободы Ярослав. у. 1584 г. ²⁵	20 денег («не стояв») 100 денег («стояв»)*	_____	Казнь и продажа

* Все пошлины рассчитаны от иска стоимостью в рубль.

Прежде всего стоит отметить, что при разбирательстве тяжб на местах и собственноручно судебные и полевые пошлины сосредотачивались в одних и тех же руках, то есть выплачивались наместникам, волостелям, их тиунам и доводчикам. Таким образом, в местном суде, в отличие от центрального, по-видимому, не было лиц, специально занимавшихся организацией поединков. В большинстве уставных грамот и в обоих Судебниках применительно к местному суду рассматривались все те же три казуса, связанных с различными обстоятельствами применения судебного поединка (табл. 2 I, II, III). При сравнении этих норм со статьями Судебников, посвященных деятельности центрального суда, видно, что *в целом* решение тяжбы полем на местах обходилось участникам гораздо дешевле, чем в столице.²⁶ Однако эта «дешевизна» была связана не с тем, что городская и волостная администрация получала от суда меньшие пошлины (наоборот, они составляли значительную долю в доходах кормленщиков), а с малочисленностью ее аппарата. При ведении состязательного процесса судьи центральных ведомств (бояре и дьяки) имели доходы в размере 20 денег с рублевого дела (Суд. 1497 г. ст. 3; Суд. 1550 г. ст. 8) независимо от того, кто выиграл дело. Что касается местных администраторов, то их пошлины в некоторых ситуациях зависели от того, кто окажется «виноватым» – ответчик или истец: в первом случае выплачивалось 100 денег, во втором – 20²⁷. При решении конфликта полем, как правило, платилась одинаковая сумма (исключение – уставная грамота крестьянам Афанасьевского и Васильевского дворцовых сел Московского уезда 1554 г.).

Законодательные акты уделяют меньше внимания различным нюансам в организации поединка при разборе дел в местных судах: только в нескольких случаях оговариваются условия заключения мировой сделки («не стояв» или «стояв» у поля)²⁸. Очевидно, на местах эти обстоятельства не имели такого принципиального значения, как в центре, прежде всего из-за отсутствия в «штате» специальных лиц, организовывавших состязание. Однако, если в документе все же упоминались названные обстоятельства, то пошлины за решение дела миром *после* выхода на поле устанавливались, как правило, в 2,5 – 5 раз выше.

Итак, в местном суде материальные интересы тяжущихся входили в прямое противоречие с доходами судей, поскольку последние, в отличие от администрации центральных ведомств, были как раз заинтересованы в проведении по-

единков. Отмеченная выше тенденция к законодательному вытеснению поля с этой точки зрения пока не получила распространения на местах.

Рассмотрим теперь сферу применения поединка по Судебникам. Отметим, что по сравнению с Псковской судной грамотой в обоих кодексах отсутствуют прямые или косвенные указания на возможность решения полем земельных конфликтов. С другой стороны, судебный поединок начинает применяться в делах о наиболее тяжких преступлениях (поджог, душегубство, разбой, татьба), совершенных не «лихими» людьми и рассматривавшихся в обычном состязательном порядке²⁹. При этом в такого рода тяжбах законодательство не предусматривает для сторон альтернативы полю в виде присяги. Последняя предлагается лишь по делам о бое, грабеже и займе, когда ответчик либо выходит на бой с послухом, либо «у креста положит»³⁰.

В Судебниках получает дальнейшее развитие институт наймитства. Теперь право нанять бойца однозначно получают и истец и ответчик, причем независимо от характера тяжбы («а на ком чего взыщет»)³¹. Кроме того, по Судебнику 1550 г. впервые в законодательстве эта возможность по тем же показаниям («увечен..., поп, или чернец, или черница, или женка») предоставляется и послуху истца³².

Для царского Судебника характерно также явное стремление к более строгой регламентации поединка, установлению жесткого контроля над его проведением. Так, кодекс 1550 г. уделяет особое внимание тому, чтобы силы сторон, выходящих на поле, были уравновешены: «бойцу с небойцом не битися», «... бой полщиком давати... ровен»; ужесточаются и санкции для «опричных людей», явившихся поглазеть на поединок³³. С другой стороны, Судебник 1550 г. невольно свидетельствует о дальнейшей деградации исходного восприятия поля как Божьего суда. Впервые в законодательстве появляется норма, согласно которой неявка на поединок или бегство приравниваются не к автоматическому проигрышу дела, а к решению его как «мирового»³⁴.

Попытки *реального* ограничения сферы применения судебного поединка прослеживаются по законодательству с середины 50-х гг. XVI в. Уставные наместничьи грамоты в силу инертности формуляра продолжают упоминать о поле в прежнем контексте (см. табл. 2) вплоть до конца XVI – начала XVII вв.³⁵. Некоторые новые нюансы появляются в земских и губных грамотах.

В земской грамоте крестьянам царских подклетных сел Переяславского уезда (апрель 1556 г.) поле в ряде случаев заменяется «целованьем с жеребья». Стремясь разрешить казус, когда послухи истца дают противоречивые показания, Судебник 1550 г. настаивал на присуждении поля по просьбе свидетелей, не подтверждающих слова истца. В зависимости от исхода сражения пошлины брались либо с ответчика и проигравших, либо с истца и тех послухов, которые его поддерживали³⁶. В грамоте 1556 г. в аналогичной ситуации предписывалось присуждать присягу по жребью³⁷. Точно также в случае, когда послух «опослушествует в бою, или в грабежу, или в займех» Судебник предоставлял ответчику выбор: либо выходить на поле, либо приносить присягу; документ 1556 г. предлагает ему несколько вариантов, среди которых, однако, поле отсутствует³⁸. В то же время, как это ни парадоксально, поединок продолжает играть роль весьма весомого доказательства: если послухи, «которые послушествовали в исцовы речи» не просят поля со своими «оппонентами», истец автоматически признается виновным³⁹. Аналогичные нормы встречаются и в более поздних земских уставных грамотах⁴⁰. Только Двинская уставная грамота сентября 1556 г. содержит требование «судити ... и сыскивати во всяких делех и управа чинити без поль»⁴¹.

Однако столь категоричная отмена поединка на данном этапе не подтверждается другими документами. Даже в приговоре о губных делах августа 1556 г. не идет речь об окончательной ликвидации поля. Хотя по всем делам, требовавшим производства обыска, поединок вроде бы отменяется, в то же время в некоторых случаях предусматривается возможность его замены присягой по желанию истца («а досудятца в котором деле до поля, а станет бить челом ответчик, что ему стояти у поля не мочно, чтоб присудили крестное целованье, ино поля отставити, а дати на воле исцу...»)⁴². Упомянутый документ, наряду с указом о татевных делах и приговором о разбойных делах 1555 г., составил своеобразный уголовный кодекс России XVI столетия⁴³. В нем прослеживается ясно обозначившаяся тенденция к усилению карательных начал в уголовной политике, дальнейшему внедрению сысского процесса.

На самом деле набор доказательств в делах, где невозможно было предъявить письменные документы (как, например, в земельных тяжбах), был весьма ограниченным: это показания свидетелей, присяга и поединок. Если раньше в ситуации, когда «опричь...поля иные улики нет никаких...» присуждался поеди-

нок⁴⁴, то по губному законодательству середины – второй половины XVI в. при условии, что «исцы ищут розбоев, а на тех людей языки в розбоех не говорят, а исцы, oprичь поля, улики не учинят никоторые», стал применяться механизм, главными элементами которого были результаты обыска и пытка. Губные старосты должны были организовать обыск. Если выяснялось, что обвиняемые – «лихие люди», но «лиха про них ...в розбоех имянно не скажут», их подвергали пыткам (как надлежало поступать в ситуации, когда обвиняемых признавали «добрыми», - остается загадкой)⁴⁵. В случае признания на пытке таким преступникам грозила «тюрьма на смерть»; если же они продолжали упорствовать, то, очевидно, производился повторный обыск и по его результатам их предавали смертной казни⁴⁶.

Эта норма почти в том же виде сохраняется и в Уставной книге Разбойного приказа 1616 – 1617 гг., но здесь поле уже выступает на равных условиях с присягой⁴⁷. Важно отметить, что в текст данного документа был включен боярский приговор времени царствования Федора Ивановича, в соответствии с которым если «исцы бьют челом в таббах и в разбоях имянно без поличного и без язычные молки, и не по лихованным обыском, и тех челобитчиков отсылать в Судный приказ, хде кто судим. А будет в Судном приказе сыщетца, что те дела разбойные дошли до пыток, и тех исцов и ответчиков из Судного приказу отсылать в Разбойный приказ»⁴⁸. Получается, что раньше для рассмотрения иска о краже или разбое посредством розыска было достаточно крестоцелования или вызова на поединок. Теперь они не признаются в качестве серьезных оснований («улик») для начала такого процесса. Правда, безоговорочно согласиться с утверждением А. Г. Поляка о том, что таким образом был фактически уничтожен институт судебного поединка⁴⁹, мешает предположение, что поле могло еще использоваться в случае рассмотрения дела в обычном, состязательном порядке.

Так или иначе вторая Уставная книга Разбойного приказа стала последним законодательным памятником, упоминавшим о судебном поединке. В Соборном Уложении 1649 г., как известно, этот термин ни разу не встречается. Более того, в случаях, когда по предшествующему законодательству прибегали к судебному поединку, по новому кодексу необходимо было производить совсем иные судебные процедуры. Так, теперь если в ходе разбирательства поземельного конфликта возникал спор между старожильцами, его разрешают отводом земель по жребью; показания обыскных людей опровергаются очной ставкой и пыткой;

поле не считается больше уликой: если «сыскать будет нечем», прибегают к крестоцелованию; вызов на поединок не считается достаточным основанием для начала розыскного процесса по делам о краже или разбое (не случайно Уложение воспроизводит ст. 19 Уставной книги, но пропускает ст. 18)⁵⁰.

Итак, судебный поединок присутствует на страницах законодательных памятников средневековой Руси с XIII по XVII в., проходит достаточно длительный путь от зарождения в качестве судебной процедуры до превращения в анахронизм и постепенного упадка. Этапы законодательного оформления «поля» в свете проведенного исследования представляются следующим образом: регламентация «полевых пошлин» центрального и местного судебного аппарата; определение сферы применения судебного поединка, разработка норм по его организации и проведению; постепенное, не слишком последовательное, ограничение путем замены другими видами доказательств.

Вопрос о причинах исчезновения поединка является достаточно сложным и нуждается в дополнительном изучении с привлечением материалов о его практическом применении в судопроизводстве Московской Руси. По предварительным наблюдениям вытеснение «поля» стало, с одной стороны, результатом неизбежной трансформации изначальных средневековых представлений о «Божьем суде», превращением его в своего рода коммерческую сделку с привлечением наемных бойцов и их подкупом. С другой – частным проявлением более общих тенденций, связанных с развитием русского средневекового права XVI – XVII вв.: усиление контроля над судебным процессом со стороны государства, стремление избежать случайных факторов при вынесении решений, поиск более надежных доказательств, появление и развитие розыскного процесса с принципиально иным судебно-следственным механизмом.

¹ *Калайдович К. Ф.* Рассуждение о поединках в России вообще, и в особенности о судебных// Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей Российских. Т. 1. Кн. 4. М., 1838; *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву. М., 1851; *Беляев И. Д.* Поле // Москвитянин. Т. 4. № 13 – 14. М., 1855; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1889.

² Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953 (далее – ПРП); Российское законодательство X – XX вв. Т. 1 – 2. М., 1984 – 1985 (далее – РЗ); Судебники XV – XVI вв. М.-Л., 1952; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты, комментарии. Л., 1986 – 1987 (далее – ЗАРГ).

³ *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.). М., 1985. С. 185 – 188.

- ⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001.
- ⁵ ПРП. Вып. 2. М., 1953. С. 61 – 62, 73 (стт. 10, 11).
- ⁶ См. РЗ. Т. 1. С. 51 – 52.
- ⁷ Калайдович К. Ф. Разсуждение... С. 4 – 6.
- ⁸ См. РЗ. Т. 1. С. 65, 70 (стт. 21, 22, 85 – 87 Пространной редакции).
- ⁹ Там же. С. 188, ст. 4.
- ¹⁰ Там же. С. 307. Ст. 33.
- ¹¹ Там же. Т. 1. С. 335. Ст. 37.
- ¹² ПРП. Вып. 2. С. 249. Ст. 10.
- ¹³ «Поле» упоминается в 14 статьях ПСГ: см. РЗ. Т. 2. Стт. 10, 13, 17, 18, 20, 21, 27, 36, 37, 92, 101, 107, 117, 119.
- ¹⁴ Там же. Ст. 13, 17, 18, 92, 101, 107.
- ¹⁵ Там же. Ст. 13, 17, 18, 20, 92, 101, 107. В то же время в нескольких случаях прямо говорится о «присуждении» поля – ст. 10, 37, 119 и др .
- ¹⁶ Там же. Ст. 21, 36.
- ¹⁷ Там же. Ст. 119.
- ¹⁸ Из контекста ст. 36 следует, что норма может толковаться широко: использование истцами наймитов.
- ¹⁹ См. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997. С. 66.
- ²⁰ Ст. 3 Суд. 1497 г.; ст. 8 Суд. 1550 г.
- ²¹ Там же. Ст. 15, 17, 23 Суд. 1497 г.; ст. 33, 35, 40 Суд. 1550 г.
- ²² Там же. Ст. 68 Суд. 1497 г.; ст. 13 Суд. 1550 г.
- ²³ Там же. Ст. 30 Суд. 1497 г., ст. 46 Суд. 1550 г.
- ²⁴ См. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III... С. 195 – 201.
- ²⁵ АСЭИ. Т. 3. № 22, 25; Суд 1497. Ст. 38; АРГ. № 18; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изданы под ред. А. И. Яковлева М., 1909 (далее – *Яковлев*). С. 10 – 13; 13 – 16; 16 – 19; 19 – 22; 22 – 25; 25 – 30; 30 – 32; 45 – 49; 32 – 37; 37 – 39; 39 – 42; Суд. 1550. Ст. 62.
- ²⁶ См. также Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III... С. 307.
- ²⁷ См. АСЭИ. Т. 3. № 25, АРГ. № 18, *Яковлев*. С. 19 - 22; 22 – 25; 25 – 30; 39 – 42. Суд. 1497 г. предусматривал в случае, если «доищется ищья», пошлину, равную стоимости иска, т.е. 200 денег от рублевого дела; если «доищется ответчик» – 20 денег (ст.38); Суд. 1550 г. уравнивал доходы местных судей, по крайней мере, в заемном деле, бое и лае – по 20 денег при любом исходе ((ст. 62).
- ²⁸ См. табл. 2. № 7, 10, 12, 13, 14, 16.
- ²⁹ Суд. 1497. Ст. 7, 38; Суд. 1550. Ст. 12, 62.
- ³⁰ Суд. 1497. Ст. 48; Суд. 1550. Ст. 16. Ср. ПСГ. Ст. 20.
- ³¹ Суд. 1497. Ст. 49, 52; Суд. 1550. Ст. 17, 19.
- ³² Суд. 1550. Ст. 17.
- ³³ Там же. Ст. 13, 14.
- ³⁴ Там же. Ст. 11.
- ³⁵ *Яковлев*. С. 41, 43.
- ³⁶ Суд. 1550. Ст. 15.
- ³⁷ *Яковлев*. С. 131.
- ³⁸ Суд. 1550. Ст. 16; *Яковлев*. С. 131.
- ³⁹ Суд. 1550. Ст. 15; *Яковлев*. С. 131.
- ⁴⁰ См. *Яковлев*. С. 138, 149, 154.
- ⁴¹ См. там же. С. 136.
- ⁴² ЗАРГ. № 16. Ст. 1, 20.
- ⁴³ Там же. № 10, 6.
- ⁴⁴ См. АФЗХ. Ч. I. № 1а.
- ⁴⁵ В некоторых случаях при характеристике обвиняемого в качестве «доброего» человека его отдавали на поруки обыскным людям, которые, таким образом, несли ответственность за его дальнейшее поведение – см., например, Медынский губной наказ. Ст. 2, 6 (РЗ. Т. 2. С. 219, 221).
- ⁴⁶ ЗАРГ. № 6. Ст. 3; *Яковлев*. С. 71, 76, 85; РЗ. Т. 2. С. 220 – 221.
- ⁴⁷ ЗАРГ. № 80. Ст. 18. См. также АГР. Т. I. № 75.
- ⁴⁸ ЗАРГ. № 80. Ст. 19.

⁴⁹ ПРП. Вып. 5. С. 250.

⁵⁰ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. X. Ст. 237, 162, 163, 165, 232, 236; гл. XXI. ст. 49.